

Город как текст культуры: структурно-семиотический подход

Соколова О. М.

Учреждение образования «Белорусский государственный
университет культуры и искусств», Минск

Рассматриваются категории «текст», «текст культуры», «городской текст» в их взаимозависимости. Анализируются различные взгляды на проблематику исследования городского текста в контексте изучения текста культуры. Аргументируется актуальность концепции осмысления города как категории культуры в рамках структурно-семиотического подхода. Проводится идея структурирования городского пространства Минска. Впервые вводится понятие минского текста, который рассматривается как структурно-семантическая категория культуры. Минск репрезентируется как текст, целостное пространство, элементами структуры которого являются символы. Выявляются структурно-семантические особенности минского текста, подвижные признаки текстуральности города: интенциональность, информативность, смысловая цельность, связность (когерентность, смысловая согласованность частей), воспринимаемость, системность, констатируемость (контекстуальность, ситуационная обусловленность) и интертекстуальность. Автор предлагает интерпретацию некоторых символов и способов их функционирования в семиотическом пространстве города.

Ключевые слова: текст культуры, городской текст, минский текст, структурно-семиотический подход.

(Искусство и культура. — 2015. — № 4(20). — С. 70-78)

City as Text of Culture: Structural and Semiotic Approach

Sokolova O. M.

Educational Establishment «Belarusian State University of Culture and Arts», Minsk

The categories of «text», «text of culture», «urban text» in their interdependence are considered in the article. The various views on the issues of urban studies text in the context of the study of cultural text are analyzed. The important concept of understanding the city as a category of culture in the structural and semiotic approach is presented. The idea is to structure the urban space of Minsk. The concept of Minsk text, which is considered as structural and semantic category of culture, is introduced for the first time. Minsk is represented as text, a holistic space, the structural elements of which are symbols. Structural and semantic features of Minsk text, moving signs of the city textuality: intentionality, informativeness, semantic integrity, coherence (semantic consistency of parts), perceptibility, consistency, contextually, situational conditionality and intertextuality are singled out. The author proposes an interpretation of some characters and ways of their functioning in the semiotic space of the city.

Key words: text of culture, city text, Minsk text, structural and semiotic approach.

(Art and Culture. — 2015. — № 4(20). — P. 60-68)

Интерес к исследованию городских текстов обусловлен изучением специфики текста в рамках структуралистских концепций Р. Барта, Ю. Кристевой, Ц. Тодорова и др. К. Леви-Стросс вывел положение, согласно которому «культура обладает строением, подобным строению языка» [1, р. 79], что сделало возможным использование структурно-семиотического подхода в гуманитарных

науках, основу которого составляют лингвистические закономерности, применяемые к нелингвистическому материалу. Текст, являвшийся объектом лингвистического исследования, стал рассматриваться как культурологическая категория, а культура в целом – как семиотическая система.

Актуальность концептуализации городского пространства как текста культуры

определяется постановкой проблем, связанных с сохранением и развитием истории и культуры городов Беларуси. Портрет города, его судьба, роль в бытии и культуре белорусского общества определяют знаковую роль Минска для белорусской культуры, составляют культурологические аспекты исследования. Значимость исследования заключается в рассмотрении Минска как текста культуры, расширении представлений о символическом пространстве культурной памяти города. Интерес к метафизике города и культурной семантике городских культурных объектов обусловлен метафизическим значением столицы в смысловом, духовном пространстве Беларуси.

Целью исследования является рассмотрение города как текста культуры, обоснование минского текста как структурно-семантической категории. Изучение специфики семиотического пространства Минска как текста культуры открывает перспективы комплексного осмысления культурного контекста городских процессов, технологического подхода к воздействию на культурные процессы развития города.

Понятие текста и критерии текстуальности. Согласно Словарю иностранных слов Российской академии наук *текст* (от лат. *textum* – ткань, связь, соединение) во 2-м специальном значении, в семиотике, лингвистике, информатике – это последовательность языковых и иных знаков, образующая единое целое и служащая объектом изучения и обработки. Существует более 250 определений текста. Ученые-лингвисты пришли к выводу, что как «понятие "текст" принципиально неопределим» [2, р. 136] и может быть отнесен к «терминам движения», которые «никогда не могут претендовать на какую-либо окончательность» [3, с. 44]. В. П. Москвин полагает, что этому способствует «не только неотделенность данного понятия от указанных смежных категорий, но и неясность категориального статуса признаков текста, относимых к ряду критериев текстуальности» [4, с. 38–39]. Анализируя понятие текста и критерии текстуальности, ученый применяет апофатический метод, аргументированно доказывая, что общепринятые критерии, такие как: письменная форма, завершенность, протяженность, связность (когерентность и коге-

зия), наличие заголовка, информативность, принадлежность к определенному стилю и согласованность содержания с формой (стилем), стереотипность, наличие интертекстуальных связей и речевого замысла (коммуникативной функции), генетической и актуальной констатируемости – дискуссионны и применимы только к идеальному тексту. Для нашего исследования основополагающей является трактовка понятия текста как культурологической категории, данная Ю. М. Лотманом: «Сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [5, с. 132]. Такое определение дает возможность рассмотрения многообразия отношений текста и культуры.

Термин «текст культуры» также отличается многообразием трактовок, обусловленных разнообразием научных подходов к его анализу. Обозначая дискурс текста культуры, выделяют семиотический подход М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, лингвистические теории Ф. де Соссюра, Ч. С. Пирса, феноменологию Э. Гуссерля, Э. Левинаса и М. Мерло-Понти, герменевтику Ф. Шлейермахера, М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, П. Рикера, структурализм М. Фуко, Ж. Лакана, К. Леви-Стросса, У. Эко, Л. Гольдмана, постструктурализм Р. Барта и Ж. Дерриды. В рамках структурно-семиотического подхода текст культуры – это текст-конструкт, «картина мира данной культуры» [6, с. 392].

Городской текст. Город как текст культуры является наиболее полным ее воплощением, он отражает и формирует мировоззрение жителей, и чтобы понять «душу города», уникальную духовную сущность, необходимо глубокое и всестороннее изучение его зарождения, культуры разных эпох, культурного, исторического и духовного наследия, коллективного городского субъекта и творца городской культуры.

Осмысление города как текста, «потенциально расшифровываемой констелляции знаков и символов», по мнению исследователя городской среды Д. Фрисби, началось в литературе с XIX в. [7, р. 15]. В научную практику в XX в. введены понятия «петербургский текст» (исследования Н. П. Анциферова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова и

др.), «московский текст» (Е. Е. Левкиевская, Н. В. Корниенко), «пермский текст» (В. В. Абашев). Урбанистическая тема в основном разрабатывается на основе рассмотрения художественных текстов (например, исследование Л. С. Прохоровой посвящено «лондонскому тексту» русской литературы, «венецианский текст» и «крымский текст» исследуют Н. Е. Меднис, А. П. Люсый, «пражский текст» в чешской литературе анализирует А. Е. Бобраков-Тимошкин и т. д.). Интерпретация, постижение смысла литературных текстов лежит в основе герменевтики – философского направления, истолковывающего культуру как совокупность основных текстов (герменевтическая феноменология Г. Г. Шпета «Герменевтика и ее проблемы»). Несомненно, произведения влияют на восприятие действительности, создавая миф о месте, однако для культурологического исследования городской текст – это культурное пространство города в целом, а не только совокупность литературных произведений. Так, согласно Ю. М. Лотману, город «представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням...»: «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [8, с. 325].

Исследователи отмечают, что, несмотря на разнообразие изысканий, понятие «городской текст» до сих пор не разработано, выбор определяется методологической моделью исследователя. Так, Н. В. Шмидт исходя из постулата, что «город – это способ окультуривания и структурирования масштабного пространства, введение человеческого измерения в природный мир», в результате чего «город становится культурной семиосферой», дает следующее определение понятия: «Городской текст – это комплекс образов (концептов), мотивов, сюжетов, который воплощает авторскую модель городского бытия – как в общих, так и в частных его проявлениях» [9, с. 5]. В данной формулировке отмечен такой важный признак, как субъективность восприятия пространства, рассматриваемого в нашем

исследовании в качестве способа организации памяти. Любое исследование основывается на авторском восприятии городского пространства.

Осмысление города как текста предполагает наличие в системе таких элементов, как язык и читатель. По словам В. Н. Топорова, город «имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [10, с. 42]. Читатели города Н. П. Анциферов, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Г. Зиммель (Рим. Флоренция. Венеция), В. Беньямин (Берлинские хроники) и другие. каждый отдельный городской организм рассматривают как индивидуальность, обращая внимание прежде всего на символическую организацию городского пространства. Символ и миф – структурные элементы текста культуры. Городские символы играют роль смысловых центров, выполняя мифотворческую и хронотопическую функции. В городской мифологии представлена совокупность всех культурных представлений о городе и личностях, отраженных в фольклоре, легендах, преданиях, истории города.

Способы мышления о городе. Для философско-культурологического чтения текста города важным является также и то, что город – это отображение сознания человека. Можно говорить о разных способах мышления о городе. Интерпретация городского текста, как и любого другого текста культуры, происходит по законам построения лингвистического текста: отсюда применение терминологии. Так, социолог В. Вахштайн под грамматикой городского пространства понимает разные типы мышления о его структуре и устройстве. Ученый выделяет урбанистический и социологический подходы к исследованию города, обозначая различия между взглядами на город. Для социолога важно, как организовано городское пространство с точки зрения комфорта и взаимодействия людей – взгляд изнутри («город внутри»). Для урбаниста характерен взгляд сверху («город сверху»),

когда во главе находится символ, идея, что отчасти роднит урбанистический подход с культурологическим. Однако разница в том, что культурология изучает ценностно-смысловое наполнение символов, потенциал объектов культуры и их изменение как важных элементов культурной памяти.

Взгляд на город сверху, охватывающий его как целое, согласно В. Вахштайну, берет начало в XVII в., когда возникает идея идеального города, проектируемого пространства – в литературе и искусстве появляется большое количество утопий. Исследователь противопоставляет средневековый город как стихийный и телесный с кривыми, узкими улочками, наполненный запахами и современный, проектируемый, обозначая новый феномен в архитектуре XXI в. – Google ears architecture, когда здание строится не для жителя или пешехода, а для того, кто будет смотреть на него из космоса. Так, в Минске комплекс Kempinski на берегу Свислочи, который, вероятно, получит другое название, не выглядит как «инородное тело» только при взгляде сверху. Основатель городского краеведения И. М. Гревс в начале XX в. описывает значимый «акт первоначального покорения города вашей мысли общим взглядом сверху» [11, с. 6], используемый в современных экскурсионных маршрутах, когда предлагается взгляд на город со специальной смотровой площадки (Исаакиевский собор Санкт-Петербурга, колокольня костела Святых Иоаннов Вильнюса, парижская Эйфелева башня, обзорная площадка Национальной библиотеки Беларуси и др.). Ему можно противопоставить беньяминовского фланёра с его образами мест памяти: кафе, комнатами, скамейками и т. д.

В. Вахштайн приходит к выводу, что современные города опираются на большие утопические проекты. Эту мысль поддерживает минский архитектор и художник А. Клинов, представляя концепцию Минска как города-солнца, придуманного Т. Кампанеллой. В XX в. при проектировании городов используется классическая утопическая модель хорошо просматриваемого, представительного, значимого города. В. Вахштайн называет современный город «городом взгляда», противопоставляя его средневековому «городу тела». Такой город выстроен вдоль оптических осей, открытых просма-

триваемых пространств. Мишель де Серто в книге «Практика повседневной жизни» (1980) именуется это оптической тиранией – тиранией взгляда. В Минске такое пространство – проспект Независимости, центральная ось которого, протяженностью более 15 км, шириной около 50 м, нанизывает пять площадей, в Барселоне – проспект Диагональ (в разных источниках указывается длина от 11 до 18 км и ширина 50 м). По мнению В. Вахштайна, узкие телесные улочки исчезают по мере того, как город становится предназначен для смотрения, а не для хождения. Императив просматриваемого города, коннотация – простреливаемого. Еще одной базовой характеристикой утопического мышления исследователь называет оппозицию «символическое/материальное». Город уже не стихийно сложившееся пространство, а символ, послание будущим поколениям. В. Вахштайн иллюстрирует умозаключение ярким примером города Бразилиа, спроектированного в виде птицы (или самолета), символизирующей биеение сердца новой свободной нации. Структуру города определяют две оси – монументальная и дорожная. Этот город – столица Бразилии с 1960 г. был построен за пять лет и отличается высокой символическостью архитектурных сооружений: на площади Трех Властей расположены Национальный Конгресс, Дворец Планалту (рабочая резиденция президента страны) и Верховный федеральный суд – стеклянные здания символизируют прозрачность государственной власти и открыты для общественного посещения; кафедральный собор напоминает руки, сложенные в молитве и т. д. Широкие улицы Минска, монументальные дворцы, парки увековечивают советскую эпоху, символизируют парадность белорусской столицы, многочисленные памятники и архитектурные сооружения олицетворяют победу над фашизмом и независимость страны (Дворец Республики, Дворец Независимости, танк, легендарный Т-34 возле Дома офицеров, обелиск «Минск – город-герой» – архитектурно-скульптурный комплекс с бронзовой скульптурой женщины, символизирующей образ Родины-матери, и новым зданием Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, одиннадцать лучей из стали

на фасаде которого символизируют салют Победы и 1100 дней оккупации Беларуси, символность места закреплена традицией организации салюта возле стелы, и др.), что также отражено в городской топонимике: проспект Победителей, площадь Независимости, площадь Победы, Парк Победы и др.

Символьная наполненность при создании городов и образное мышление их читателей способствовали распространению образов «город-сад» (Кузнецк В. Маяковского), «город-женщина» («Счастливая Москва» А. Платонова), «город-личность» (М. С. Уваров), «город-дева» и «город-блудница» – модификация Вавилона (В. Н. Топоров), «город Вавилон» и т. д. Образ Минска как Вавилона – города, отличающегося многообразием культур (о чем свидетельствует и городская топонимия: например, Татарская Слобода, Ляховская Слобода, Немецкая и Еврейская улицы), временных пластов – создан в книге М. Володина «Наш старый добрый Вавилон. Прогулки по городу в Минских историях». Культуролог С. Харевский отмечает: «Міхаіл Валодзін параўноўвае Мінск канца XIX – пачатку XX ст. са старажытным Вавілонам, у гуце якога пераплаўляліся мовы і плямёны ў нешта новае, дагэтуль нязнанае <...>. Аўтар цвёрда трымаецца маршрутаў самага ядра Мінска, вакол якога круціцца галактыка імёнаў – ад імператараў і генсекаў да паэтаў, матэматыкаў і літаратараў з сусветнымі імёнамі. Па мінскіх вуліцах пад руку з чытачамі будуць хадзіць Мальер з Вальтэрам, Манюшка з Дуніным-Марцінкевічам, Купала з Коласам. Тут вам Пушкін і Эйнштэйн, Дастаеўскі і Талстой, Освальд і Кастра. Вашымі спадарожнікамі будуць габрэі і італьянцы, палякі і расейцы, немцы і французы, нат манголы з кітайцамі. Насамрэч Вавілон!» [12].

Для утопического мышления символическое всегда важнее материального воплощения, это мышление идеальными категориями. То, что выражает сооружение, важнее, чем то, как оно реализовано, как в нем находится, жить. В. Вахштайн выделяет пять кодов утопического воображения, свойственных для утопистов XVII в. и урбанистов XXI в.: имажитивность (мышление образами), следствием чего является стремление к созданию бренда города, рациональность (принцип рационального планирования Ле

Корбюзье), универсальность, конструктивизм, критика повседневности. Исследователь отмечает, что отличие социологического мышления в идее повседневного мира, города как повседневных практик. М. Фуко в лекции «Другие места» (1967) вводит понятие гетеротопии, под которой подразумевает местоположение без реального места, то, как изменяется утопия под воздействием повседневных практик. Исследуя грамматику повседневного поведения – правила поведения в публичных местах, В. Вахштайн заключает, что язык, на котором написан город и язык общения между горожанами – это разные языки, а два основных вопроса современной социологии: как написан город и как он прочитывается? На наш взгляд, эти вопросы основополагающие и для современной культурологии.

Таким образом, проанализировав взгляды на проблематику изучения городского текста, можно говорить о том, что для лингвиста городской текст – это образы города в литературных произведениях. Урбанисты, прочитывая городской текст, пытаются помыслить город в целом. Социологи считают информацию о том, как люди оперируют в пространстве, что они делают, как принимают решения. Культуролог пытается создать модель описания, которая бы схватывала объект во всех деталях, его интересует город как пространство памяти, культурный потенциал места, его ценностно-смысловое наполнение, изменение культурного смысла, актуализация прошлого в настоящем, сохранение культурной памяти. Важно передать феноменологию города: что было, как это восприняли, что прибавило опыта, с чем потом пойдём дальше, чем это было и чем осталось в глоссарии. Задача культуролога – уметь считывать городское пространство.

Минский текст. Определить, что такое минский текст – это значит выявить его структуру, содержательные и смысловые особенности, контекст, уникальность и значимость. Для этого необходимо обозначить признаки текстуальности города. В. В. Абашев отмечает, что «в рамках концепции семиосферы понятие текстуальности уже не ограничивается областью литературы и даже культуры в ее узком понимании. Оно охватывает предельно широкую сферу

результатов информационно-творческого взаимодействия человека и действительности, его повседневного поведения. В частности, признак таким образом понятой текстуальности вполне корректно определяет место жизни человека в его семиотической проекции, через которую место входит в семиосферу национальной культуры как один из ее топосов» [13, с. 9], а «наиболее очевидный критерий значимости того или иного элемента городской или региональной семиотики состоит, во-первых, в том, насколько он актуален в контексте национальной культуры, а, во-вторых, каким мифогенным потенциалом он обладает» [14].

Выявление признаков текстуальности города базируется на понимании их подвижности, изменчивости, размытости и взаимосвязанности. Прежде всего, это понимание целостности минского текста, определяемой наличием замысла и имени, информативности, заключающейся в транслировании информации (известной и новой), и смысловой цельности, когда смысловые элементы образуют целое. Эти критерии можно отнести к системообразующим. Смысловая согласованность, связность элементов структуры минского текста: текстов, знаков, символов и др. – когерентность, т. е. представление о городе как о модели мира, воспринимаемость, системность, конситуативность (контекстуальность, ситуационная обусловленность) – развертывание текста в контексте актуальности и уместности использования и интертекстуальность (соединение текстов прошлого и современности) – характеризующие критерии текстуальности.

Минский текст – вместилище текстов и часть более масштабного целого. В основе городского текста – идея города. Минск – официальный главный город страны воплощает государство и рассматривается как идеальная строго организованная модель, расположенная в центре. Город входит в семиосферу белорусской культуры, являясь ее топосом, административно-политическим, экономическим и культурным центром государства, что отражено в формировании архитектурного образа города. Столичный статус предъявляет особые требования к городу как символу страны. Символизируя государство, Минск обладает своей символикой – гербом, флагом и гимном.

Минск – конкретный культурно-исторический организм, символическое место Беларуси, характеризующиеся центральным положением, открытостью пространства, некоторой темпоральной замедленностью, городу присуща метафора застывшего, остановившегося времени, концентрацией идеологической и культурной символики.

Городу свойствен переменный тип генезиса – столица княжества, центр Минского воеводства, Минской губернии, БССР, Республики Беларусь, – Минск неоднократно менял статус и не всегда был столицей. С течением времени изменяется идея города. В последние двадцать пять лет из советского города становится столицей независимого государства, европейским городом.

Семиотический образ города – это система воспринимаемых взаимосвязанных знаков и символов, формирующих смысловую модель – каркас города, который складывается из элементов архитектурно-пространственной городской среды, включающих знаки столичной семантики: сосредоточенные архитектурные сооружения, связанных с высшими органами государственной власти, концентрация всех видов культурной деятельности (Национальный художественный музей, Национальная библиотека Беларуси, Национальная академия наук Беларуси, Белорусский государственный университет, Национальный академический Большой театр оперы и балета) и т. д. Сгущение элементов семантики столицы наблюдается на территории правительственного центра общегосударственного значения, являющегося важной и содержательной частью семиотического каркаса. Объектами, выражающими статус города, выступают главная улица, система площадей, ее участки и их внутреннее наполнение: композиционная ось Минска – проспект Независимости начинается с площади Независимости с Домом правительства и Мингорисполкомом, следующий центр – Октябрьская площадь (первоначальное название – Центральная площадь) с Дворцом Республики и находящейся рядом резиденцией Президента Республики Беларусь, далее – площадь Победы, также в качестве нового государственного и идеологического центра выступает часть проспекта Победителей, включающая площадь Государствен-

ного флага, Дворец Независимости и Парк Победы. Таким образом, можно отметить, что структура центра Минска определяется государственным строем и идеологией, а переменность центрирования городского пространства, перекодирование осуществляется в соответствии с ситуацией.

Город создает элитную культуру, искусство, так называемые престижные тексты (официальные, ритуальные, сакральные, поэтические), становится площадкой для международной коммуникации. В современный глоссарий в связи событиями в Украине вошли такие понятия, как «минская площадка», «минские встречи», «минские соглашения», означающие возможность сесть за стол переговоров, услышать друг друга, договориться, надежду на перемирие, символизирующие заложенное в идентичности понимание Минска как мирного, дружелюбного города.

Минский текст складывается из многих структурных элементов-символов, городских топосов: улицы, проспекты, дома, театры, храмы, кладбища – некоторые из них рассматривались нами ранее [15, с. 18–22]. Исследуя объектный уровень семиотического каркаса, выделим основополагающие символические объекты города, определяемые как сквозные архетипические образы, – река и дом (храм).

Река в городской символике занимает важное место, что обусловлено вписыванием символа в широкий культурный контекст. С реки начинается история многих городов, в том числе и Минска. Река Менка связана с основанием города, река-улица Немига – первое упоминание Минска в летописях, по Свислочи, согласно легенде, приплыла икона с изображением Вознесения Богородицы, которое присутствует на символе города – гербе. Река как место памяти представлена в символике многих городов: памятные доски, установленные на домах и стенах Санкт-Петербурга, сохраняющие память о наводнениях; необычный памятник жертвам Холокоста – мужские, женские и детские туфли, отлитые из чугуна на набережной Дуная в Будапеште. Фашисты выстраивали приговоренных к казни живой цепью, приковывали друг к другу и стреляли в первого человека. Тело, падавшее в воду, увлекало за собой осталь-

ных. Перед казнью с заключенных снимали обувь и позже продавали туфли на «черном рынке». Массовые расстрелы проходили на берегу Припяти в Мозыре, память об этом увековечена в мемориальной табличке на стене здания Белорусского речного пароходства. Вблизи минского Замчища планируется установить композицию «Меч», символизирующую битву на Немиге между полоцким князем Всеславом Брячиславичем и сыновьями киевского князя Ярослава Мудрого – Изяславом Киевским, Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским и первое упоминание о Минске.

Основополагающая идея города как организованного пространства обитания человека соотносится с понятием дома как места памяти. Приведем интересную современную тенденцию работы над коллективной памятью – возникновение общественных движений, способствующих сохранению памяти о жертвах Холокоста и сталинских репрессий. Так, в России появилось движение под названием «Последний адрес», действующее по принципу всевропейской акции «Камни преткновения», в ходе которой установлено 50 тыс. памятных табличек с именами людей на домах, где они жили и откуда их отправили в концлагеря. «Последний адрес» вывешивает мемориальные знаки – металлические таблички размером 10 x 17 см с именем репрессированного, даты его рождения, ареста, гибели и реабилитации. На базе региональных Книг Памяти создан архив данных, любой желающий может осуществить поиск и прислать заявку на установление знака. В связи с этим необходимо упомянуть работу над биографиями репрессированных в годы сталинской диктатуры жителей Беларуси и, в частности, Минска Л. Морякова. На многих минских домах благодаря деятельности исследователя можно было бы установить такие таблички.

Мемориальная доска на доме № 31 по проспекту Независимости, на углу с улицей Коммунистической, сохраняет память о том, что в этот дом вмурованы кирпичи из легендарного Дома Павлова в Сталинграде. В то время, когда строили дом, проспект носил имя Сталина. О том, как происходила закладка кирпичей, можно увидеть в документальных фильмах «Новый Минск» (1954) и «Дом на проспекте» (1962).

Сакральность места обеспечивается сосредоточением духовных ценностей, способных приблизить человека к Богу. Главным сакральным символом и презентатором города является храм (от ст. слав. храмъ – «дом вообще»). К сожалению, в Минске сохранены единицы из большого количества храмов. Красный костел (костел Святых Симеона и Елены) 1910 г. и Свято-Петро-Павловский собор 1612 г. не раз были под угрозой уничтожения и неоднократно меняли свое назначение и даже имя в семиотике города (Свято-Петро-Павловский собор назывался Екатерининским). Костел, названный в просторечии Красным из-за цвета кирпича, был выполнен в романском стиле, так минский дворянин Эдвард Войнилович, фундатор, руководивший стройкой, хотел показать: в Минске мирно сосуществуют и католики, и православные. После Октябрьской революции в здании костела находился Государственный польский театр БССР, перед и после Великой Отечественной войны размещалась киностудия «Савецкая Беларусь», в 1970-х гг. – Дом кино. Центральное расположение на площади рядом с Домом правительства и памятником Ленину ставило под угрозу существование костела. Его планировали снести и построить на этом месте панорамный кинотеатр «Беларусь» на 2500 тыс. мест. В 1990 г. здание вернули католической церкви. У костела установлена скульптура святого покровителя Беларуси архангела Михаила, пронзающего змея. С 2002 г. в Красном костеле сохраняется полномасштабная копия одной из главных христианских святынь – Туринской плащаницы – символа любви и согласия, прощения и мира, единства и надежды, видимый знак Бога, в которую, согласно преданию, было завернуто тело Иисуса Христа после снятия с креста.

Свято-Петро-Павловский собор – одно из самых древних строений в городе – сохранился благодаря тому, что в помещении в советское послевоенное время находился архив Октябрьской революции. В 1812 г. во время французской оккупации в соборе размещался лазарет, в 1933 г. – склад для хранения сельди. Во время войны здесь находилась Минская икона Пресвятой Богородицы, изображенной на гербе города, после закрытия храма образ перенесли в Свя-

то-Духов кафедральный собор. Собор как место памяти интересен еще и следующей деталью: апсиду храма украшает памятная доска с именами мещан, которые финансировали строительство здания. Память о 55 именах горожан сохранена с XVII в.

Таким образом, наличие разнообразных средств выражения семантики текста Минска позволяет сделать вывод о том, что минский текст, как и любой другой городской текст, необходимо рассматривать как структурно-семантическую категорию. Минский текст – осмысленное интерсубъективное пространство, конституируемое его жителями, т. е. ценностный статус объектов города определяется восприятием его обитателей. В то же время это амбивалентная пространственно-временная категория, соединяющая личное с глобальным.

Минский текст – структурно-семантическая категория белорусской культуры, обладающая определенным набором устойчивых элементов, состоящая из объектов Минска культурного характера (т. е. имеющих ценностный статус), обеспечивающих структурно-образное единство и индивидуальность города (таких, как Ворота города, Красный костел, Дом правительства, проспект Независимости, Троицкое предместье, Верхний город, Национальная библиотека Беларуси и др.).

Заключение. Город – многозначный текст культуры, воплощенный в разных формах культурной памяти: книги, дискурсы, тексты, памятные знаки, памятники и др. Выявление его структуры, смысловых особенностей, контекста – процесс субъективного восприятия. При переходе текст трансформируется, меняется его информационное поле. Утрата или приращение смыслов и значимости зависит от способов интерпретации, что обеспечивает открытость для прочтения культуры во времени и пространстве. Культура города – это критерий образованности, моральности, творческого потенциала общества, а текст, как и городской текст, – основа культуры, которая в свою очередь понимается как текст.

Столица презентует культуру, экономику и общественную мысль, создает модель современной белорусской нации. Столица для белорусов является локусом традиции, ее воплощением и источником, важ-

но сохранить семиотическую целостность (идентичность), семантическую структурированность и связность всех элементов, составляющих минский текст. Осмысление Минска как текста позволяет актуализировать его репрезентацию в культурном и информационном пространстве. Анализ существенных компонентов культурной памяти города дает возможность разработать механизмы моделирования современной социокультурной ситуации в белорусском обществе, обозначить приоритеты в решении важных проблем современности в контексте изучения культурного пространства города. Многомерность категории «минский текст», многоструктурность, семиотическая неоднородность, многослойность, перекодирование в соответствии с ситуацией, наличие средств выражения на всех уровнях системы белорусской культуры обуславливают ее многостороннее исследование в рамках структурно-семиотического подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lévi-Strauss, C. *Anthropologie structurale* / C. Lévi-Strauss. – Paris: Plon, 1958. – 454 p.
2. Halliday, M. A. K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning* / M. A. K. Halliday. – Baltimore: University Park Press, 1978. – 256 p.
3. Михайлов, А. В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века / А. В. Михайлов // *Языки культуры* / А. В. Михайлов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 43–111.
4. Москвин, В. П. Понятие текста и критерии текстуальности / В. П. Москвин // *Русская речь*. – 2012. – № 6. – С. 37–48.
5. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // *Избранные статьи: в 3 т.* – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 129–132.
6. Лотман, Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры / Ю. М. Лотман // *Избранные статьи: в 3 т.* – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 386–406.
7. Frisby, D. *The metropolis as text. Otto Wagner and Vienna's «Second Renaissance»* / D. Frisby // *The Hieroglyphics of Space. Reading and Experiencing the Modern Metropolis* / ed. by Neil Leach. – London: Routledge, 2002. – P. 15–30.
8. Лотман, Ю. М. *Внутри мыслящих миров* / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
9. Шмидт, Н. В. «Городской текст» в поэзии русского модернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Н. В. Шмидт; РУДН. – М., 2007. – 17 с.
10. Топоров, В. Н. *Петербургский текст русской литературы* / В. Н. Топоров. – СПб.: Искусство-СПб, 2003. – 617 с.
11. Гревс, И. М. *Монументальный город и исторические экскурсии (Основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры)* / И. М. Гревс // *Экскурсионное дело*. – 1921. – № 1. – С. 1–14.
12. Харэўскі, С. Гэта няпроста і адказна – расказаць пра родны горад / С. Харэўскі // *Логвінаў. Тэрыторыя словаў [Электронны рэсурс]*. – 2014. – Режим доступа: <http://lohvinau.by>. – Дата доступа: 29.12.2014. – Рэц. на кн.: Володин, М. *Наш старый добрый Вавилон: прогулка по городу в Минских историях*. – Минск: Медиал, 2014. – 168 с.
13. Абашев, В. В. *Пермь как текст: Пермский текст в русской культуре и литературе XX века* / В. В. Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2000. – 404 с.
14. Абашев, В. В. *Пермский текст в русской культуре и литературе XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01* / В. В. Абашев [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2000. – Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/permskii-tekst-v-russkoi-kulture-i-literature-xx-veka>. – Дата доступа: 29.12.2014.
15. Соколова, О. М. Семиотическое пространство Минска: символика города / О. М. Соколова // *Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў*. – № 2(22). – 2014. – С. 11–25.

Поступила в редакцию 31.08.2015 г.